

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

УДК: 339.9

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ КРИЗИСА

А. Новак,
К. Рыць
Варшавский университет,
Варшава, Польша
anowak@wz.uw.edu.pl
kryc@wz.uw.edu.pl

В настоящий момент мы можем наблюдать, что системный экономический кризис всё так же далек от своего завершения. Вместо кейнсианства припала неолиберальная доктрина, образцами которой стали тэтчеризм в Великобритании и рейганомика в США. В этой доктрине ставка делалась на свободное действие рыночного механизма, дерегулирование, незначительное участие государства и экономный бюджет, низкие налоги и либерализацию рынка труда. Возникает вопрос: не пора ли пересмотреть эти основные мегатренды в глобальной экономике в ситуации последствий финансовых кризисов и финансизации мировой экономики? В статье затронуты эти существенные дилеммы развития. Авторы считают, что всеильное бюрократизированное государство так же неприемлемо, как и полностью свободный рынок. В то же время государство, особенно в период кризиса, должно осуществлять промышленную или секторальную политику, чтобы противодействовать неблагоприятным социальным явлениям, таким как безработица. В дискуссиях последнего времени много внимания уделяется социальным последствиям продолжающегося экономического кризиса. В данной статье будут рассмотрены социальные аспекты экономической политики, а особенно социальные последствия неолиберальной модели этой политики, прежде всего в сфере занятости и распределения национального дохода.

Ключевые слова: кризис, финансиализация экономики, невидимая рука рынка, роль государства, секторная политика, трилемма Дэни Родрика.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-4.1-94-108

Введение

В мировой экономике пока еще не видно конца турбулентности, усиленной нынешним кризисом, однако неминуемо возникает вопрос: какой урок для экономической политики следует из этой драмы мировой экономики. В экономической и общественно-политической литературе ведутся споры об источниках, последствиях и путях выхода из кризиса. Сейчас мы больше знаем о его сущности, причинах

и последствиях, и хотя спад валового национального продукта в нынешнем кризисе благодаря сильному противодействию правительств и центральных банков не был столь велик, как в кризисе рубежа двадцатых и тридцатых годов прошлого столетия, однако ощутимые последствия продолжают сохраняться. Сохраняется высокий уровень безработицы, говорится о втором дне кризиса, а также о многих грядущих годах экономических пертурбаций и стагнации.

В этих дискуссиях много внимания уделяется социальным последствиям кризиса. В предлагаемой статье мы рассмотрим социальные аспекты экономической политики, а точнее, социальные последствия неоллиберальной модели этой политики, особенно в сфере занятости и распределения национального дохода.

1. Две фазы докризисного развития

После периода великой депрессии 1929–1933 годов, тридцати пяти лет напряженности и конфликтов межвоенного периода и после трагической Второй мировой войны капиталистическая система прошла две фазы относительно спокойного развития. Сразу после войны в 1945–1975 годах высокоразвитые страны Западной Европы и Северной Америки проходили период динамичного всестороннего развития. Экономика этого периода отличалась высокими темпами роста ВВП, практически полной занятостью, т. е. отсутствием вынужденной безработицы, низкой, сведенной до уровня ползучей инфляцией и практически вытеснением циклического характера роста.

В странах Запады повышалось общественное благосостояние, росла реальная зарплата работников. Различия в уровне зарплаты рядовых сотрудников и руководящих кадров оставались относительно низкими. Укреплялась социальная безопасность работников как в сфере стабильности занятости, так и в сфере социальных пособий. Кооперация трудовых коллективов и капитала проявлялась в разных формах участия работников в управлении, в собственности предприятия или отечественного акционерного капитала. Капитализм этой стадии развития определялся как

патерналистское государство, социальная рыночная экономика, государство всеобщего благосостояния, прирейнская модель капитализма и т. д.

Этот тип развития капиталистической системы провалился в середине семидесятых годов прошлого столетия. Причинами провала были как внешние факторы, так и проблемы американской экономики, пытавшейся объединить строительство великого общества с дорогостоящей войной и гонкой вооружений. Это привело к приостановлению конвертируемости американского доллара в золото, а впоследствии — к распаду Бреттон-Вудской системы, что, в свою очередь, вызвало напряженность, пертурбации и неуверенность на денежных рынках.

Войны и напряженность на Ближнем Востоке, а также слабость доллара активизировали международный картель ОПЕК, который решил резко увеличить цены на нефть. Рост этих цен, пертурбации на денежных рынках и платежно-ценовая гонка вызвали высокую инфляцию, особенно расходного характера, но на этот раз сопровождаемую высокой безработицей. Инфляция плюс безработица выходили за пределы кейнсианской доктрины, преобладавшей в этой фазе развития капитализма, что привело к пересмотру экономической политики, опирающейся на теории Кейнса. Существенное значение сыграли также многочисленные искажения патерналистской политики государства, такие как чрезмерная бюрократизация, излишнее расточительство в публичных расходах, невысокая эффективность этой политики в условиях высокой публичной задолженности или сниженная мотивация к труду.

Вместо кейнсианства пришла неоллиберальная доктрина, образцами которой

стали тэтчеризм в Великобритании и рейганомика в Соединенных Штатах. В этой политике делалась ставка на свободное действие рыночного механизма, дерегуляцию, снижение роли государства («малое государство») и экономный бюджет, низкие налоги и либерализацию рынка труда. Со временем доктрина приобрела форму вашингтонского консенсуса, рекомендуемую всем странам, особенно тем, которые обращались за помощью к Международному валютному фонду и Всемирному банку. Новая политика послужила стимулом развития. Удалось преодолеть инфляцию, сохранить относительно высокие темпы экономического роста, хотя и ниже тех, что были на предыдущей стадии, что понятно в случае стран ОЭСР, которые уже достигли высокого уровня развития. В свою очередь, мощным импульсом развития, особенно в начале этой второй фазы, стали либерализация перелива капиталов и глобализация, давшие начало быстрому развитию стран, раньше относящихся к третьему миру. Странам ОЭСР это предоставило рынки сбыта и пространство для экспансии капиталов, но со временем привело к напряженности и неравновесию, ставшим причиной нынешнего кризиса. Это было вызвано, прежде всего, последствиями перевода корпорациями промышленного производства из высокоразвитых стран в страны с низкими издержками труда. Такие действия привели к росту совокупной эффективности производства как этих корпораций, так и всей мировой экономики и одновременно изменили мировое разделение труда. Это привело к деиндустриализации на Западе и к экономическому росту стран Востока и стало источником финансового неравновесия, вызвавшего кризис.

2. Обстоятельства начала кризиса

В настоящее время по вопросу об источниках кризиса уже сложилась обширная литература. Многие авторы гордятся тем, что они раньше других заметили нарастание кризиса и предвещали его появление. Кто-то справедливо заметил, что были и такие, которые предусмотрели семь из трех последних кризисов. Однако правда состоит в том, что нынешний кризис застал врасплох как представителей основного русла экономической науки, так и политиков. В свете нынешних дискуссий можно назвать несколько причин усиливающейся напряженности, приведших к кризису.

1. Нарастание различий в величине доходов между рядовыми работниками и управленческими кадрами корпораций. В предыдущей фазе эти различия были гораздо меньше. Если в послевоенный период глава фирмы в среднем зарабатывал в 20 раз больше, чем простой работник, то сейчас в ста крупных предприятиях в США глава зарабатывает в 320 раз больше [4]. Углубилась разница между благосостоянием среднего класса, рост которого приостановился в ведущих капиталистических странах на уровне тридцатилетней давности, и доходами финансовых элит, которые на самом деле присвоили результаты роста национального продукта.

2. Мощный процесс финансирования экономики. Усиливается отрыв сектора финансов от сектора реальной экономики: промышленности, сельского хозяйства, торговли и т. д. Автономизация финансовых процессов, т. е. ведение финансовых операций без участия реальной экономики, способствовала росту ликвидных денежных ресурсов, подпитываемых доходами хозяйственных и финансовых элит. Финансовая игра, часто именуемая «казино капитализ-

ма», происходит в ущерб инвестициям в реальную сферу.

3. Перенос рабочих мест из развитых стран в развивающиеся страны ослабил переговорную позицию работников в богатых странах и приостановил рост реальной заработной платы. Стагнацию реальных доходов смягчал дешевый кредит, который до определенного времени позволял увеличивать потребление за счет роста долга. В США ипотечная задолженность для многих семей стала способом финансирования дополнительных расходов. Дома, купленные в кредит и отданные в залог, могли быть обеспечением следующего кредита, если их цены и соответственно рыночная стоимость росли. Дом, даже купленный в кредит, становился своеобразным банкоматом, например, при покупке машины и других благ. Так возникали «токсичные» активы банков¹.

4. Низкие процентные ставки. Излишки свободного капитала в результате высоких сбережений жителей Китая, которые только в 2000–2006 гг. выросли с 38 % до 54 % ВВП, могли быть переведены на приобретение американских гособлигаций, что привело к повышению их цены и снижению рентабельности. К этому присоединились высокие сбережения населения других быстроразвивающихся стран Юго-Восточной Азии, серьезно пострадавших от финансового кризиса 1997 г., причиной которого была слишком низкая ликвидность активов. Свободные капиталы нефтедобывающих стран, размещенные в суверенных инвестиционных фондах, наложился на сбережения азиатов. Изобилие капитала в результате привело к низ-

¹ Председатель ФРС Б. Бернанке якобы восхищался «глубиной и изощренностью американских финансовых рынков, которые обеспечивали домашним хозяйствам доступ к капиталу в виде собственного дома» [7].

ким процентным ставкам и легкой доступности кредита. Были созданы условия для возникновения чрезмерной задолженности домашних хозяйств и предприятий во многих странах, что наиболее ярко проявилось в секторе строительства жилья и другой недвижимости, а также на рынке товаров длительного пользования. Возрастало также кредитование государственных расходов во многих странах. Издержки обслуживания задолженности были низкими.

5. Миновала опасность инфляции. Перенос промышленного производства из богатых стран в страны с дешевой рабочей силой повлиял на снижение издержек и цен товаров, являющихся предметом международного обмена. Это касается и услуг, оказываемых электронным путем. Снижение цен на глобальные товары и услуги тормозило рост инфляции в высокоразвитых странах. Такое положение способствовало ведению мягкой денежной и экспансивной бюджетной политики во многих странах.

6. Отсутствие регулирования и контроля со стороны правительств и центральных банков за выработкой и использованием финансовых инструментов. Речь идет о финансовых инструментах, позволяющих размыть риск и осложнить его оценку. Отсутствие регулирования и контроля позволило резко усилить действие финансового рычага (левериджа) активов банков и финансовых институтов. Возникшие в результате этого так называемые «токсичные» активы подорвали достоверность финансовых институтов, привели к банкротству или поставили на грань банкротства многие банки и страховые компании, пользовавшиеся хорошей репутацией, приостановили денежные потоки и кредит. Страны ОЭСР направили сот-

ни миллиардов долларов на спасение этих банков от банкротства, затратив суммы, превышающие государственный долг. Согласно оценкам, спасательные действия увеличили государственный долг в среднем до 60...80 % ВВП [3].

3. Кризис государственных финансов

Не будет преувеличением констатация, что вследствие кризиса частная задолженность превратилась в государственную. Кроме того, спад объемов производства, вызванный вторжением банковского кризиса в сферу реальной экономики, вызвал сокращение поступлений налогов в бюджеты государств при увеличенных расходах. Рост бюджетных дефицитов и государственной задолженности вызвал смятение на финансовых рынках. Имело место снижение доверия рынков к странам-должникам, снижение цен облигаций и рост издержек обслуживания задолженности. В результате это привело к кризису или угрозе кризиса для государственных финансов во многих странах. Возникла некомфортная ситуация для неоллиберальных экономистов и политиков – приверженцев их идей. Подвели рыночные механизмы, провинился рынок, обвинялось государство. Черный пиар, распространяемый публицистами и экономистами из банковских кругов, был направлен против патерналистского государства, которое обвинялось в чрезмерной задолженности. Однако типично патерналистские государства, например скандинавские страны, не страдают кризисом государственных финансов. Кризис обрушился не столько на патерналистские государства, сколько на государства, чрезмерно «дружественные» своим согражданам, т. е. готовые нести большие расходы и одновременно со-

хранять низкие налоги. Такой дружественной страной была Греция, которая накопила огромный государственный долг. Низкие процентные ставки поощряют к займам и финансированию социального обеспечения, а также к расширению административных структур, гарантирующих привлекательные рабочие места с одновременным доброжелательным отношением к налогоплательщикам. Государственные облигации являются хорошей инвестицией, не обремененной высоким риском, выгодной как для богатых, так и для бедных.

Оставим в стороне вопрос источников финансирования государственного долга. Он стал чрезмерным во многих странах не столько из-за его размера, сколько из-за нежелания рынков и дальше его финансировать. Возникают осложнения с продажей очередных траншей выпуска правительственных бумаг. На то, что это вопрос оценки рынков, а не размера долга, указывает пример Японии: несмотря на то что у нее рекордный государственный долг, в два раза превышающий уровень японского ВВП, у нее нет проблем с его дешевым финансированием и обслуживанием, в том числе и потому, что основу долга составляют внутренние займы, менее податливые на воздействие спекулятивного капитала. Чрезмерная задолженность государств подталкивает правительства к жесткой экономике, тем более ощутимой для общества, чем хуже выглядит эта задолженность в глазах инвесторов.

Экономия сокращает внутренний как потребительский, так и инвестиционный спрос, а так как экономят многие страны, являющиеся торговыми партнерами, снижается и экспорт. Снижение темпов роста (и тем более снижение размера) ВВП в результате сокращающегося внутреннего и

внешнего спроса уменьшает налоговые поступления, что ослабляет результаты усилий, предпринимаемых для достижения сбалансированности финансов государства. Это порождает замкнутый круг проблем, из-за которых упомянутая жесткая экономия не только не снижает задолженность, но часто и увеличивает ее.

Остается делать вид, что принимаемые меры способны приостановить нарастание долгов. Это должно убедить рынки в том, что у страны-должника есть успешные перспективы оздоровления финансов, и поощрить международные инвестиционные фонды к приобретению долговых бумаг по относительно выгодной для эмитента цене. Таким образом, мнение рынков, а по сути мнение международных финансовых спекулянтов, становится важнее, чем цели развития стран и стремления их граждан. Политика жесткой экономии и ограничения бюджетных дефицитов одновременно во многих странах неизбежно приводят к замедлению темпов роста экономики, а в странах, особенно жестко ограничивающих расходы, таких как Греция, Италия, Испания, – к рецессии. Ожидается в течение нескольких лет замедление темпов роста экономики наиболее развитых стран, и это не смогут предотвратить их центральные банки, смягчающие денежную политику. Спрос на кредиты со стороны как домашних хозяйств, так и предприятий снижается. Первые уже погрязли в долгах и учитывают угрозу потери работы и зарплаты в условиях падающей конъюнктуры, вторые не стремятся к крупным инвестициям в условиях низкого спроса и неблагоприятных перспектив. Вялый экономический рост не обещает роста занятости и сокращения безработицы.

4. Рыночный механизм и необходимость сокращения безработицы

Если экономический рост не в состоянии обеспечить полной занятости, то не работают принципы либеральной экономики и правила вашигтонского консенсуса: жесткая денежная политика, незначительное вмешательство правительства в экономику, низкие налоги, гибкое трудовое законодательство, дерегулирование, приватизация и полное открытие рынков. Нет единого чудотворного средства для всех этапов развития экономики. Неолиберальные экономисты, еще недавно преобладавшие в макроэкономике, повторяют как заклинание: «Чтобы оживить экономику, надо сокращать налоги и стремиться к более гибкой занятости». Повторяют это в ситуации хорошей конъюнктуры докризисного периода, во время кризиса и в условиях послекризисного замедления развития или прямо депрессии. В разных, даже противоположных, условиях развития от принимаемых за образец мер ждут всегда одних и тех же результатов. Требуют не только верности правилам вашигтонского консенсуса, но даже его углубления, т. е. заключать больше трудовых договоров на неопределенный срок (так называемых «мусорных»), снижать трудовые издержки, ведь труд – это издержки, которые следует снижать. Зато вознаграждения менеджеров являются ценой управления активами и зависят от их рыночной стоимости.

В случае менеджеров действует принцип «хорошая цена за хороший товар». Зарплата работников – это лишь издержки, и, как и все издержки, ее следует ограничивать даже тогда, когда прибыль растет и не расходуется на инвестиции, а накапливается в виде ликвидных активов. Но если пре-

мни менеджеров не тратятся на потребление, а нераспределенная прибыль корпорации – на инвестиции, тем самым ограничивается внутренний спрос. Рост ликвидных активов углубляет процесс финансирования экономики, отрывает сферу финансов от реальной сферы.

Говоря о необходимости действий, выходящих за рамки правил вашингтонского консенсуса, мы не намекаем на отказ от принципов рыночной экономики. Исторический опыт доказывает, что действие «невидимой руки» рынка является лучшим способом удовлетворения нужд общества. Цены, формирующиеся на рынке, отражают как стоимость блага или услуги для приобретателя (общества), так и издержки этого блага или услуги для производителя-поставщика (также общества). Руководствуясь рыночной ценой, мы верно учитываем выгоды и издержки своих действий. Авторы популярного учебника пишут: «...цена так влияет на решения отдельных предпринимателей и домашних хозяйств, что они ведут себя таким образом, который во многих случаях ведет к максимизации благосостояния общества в целом» [7, с. 40].

Следует подчеркнуть слова «во многих случаях». Рыночный механизм влияет на размер ВВП и тем самым на благосостояние общества в такой мере, в какой он зависит от продукта в пересчете на душу населения. Согласно логике рассуждения, если мы нарушим действие рыночного механизма хотя бы введением нового налога, мы оказываем пагубное воздействие на рыночную аллокацию ресурсов. Нарушая механизм образования равновесия, мы тем самым уничтожаем, хотя бы частично, эффекты действия «невидимой руки». Это тем более опасно, если мы пытаемся регулиро-

вать цены на продукты питания или квартплату.

Возникает некоторая непоследовательность в предпосылке. «Невидимая рука» может оказаться эффективной только тогда, когда действует государство и взимает налоги. Ведь государство создает законы, требует их соблюдения и гарантирует безопасность, и именно это является основным условием действия рынка. В самом основании доктрины свободного рынка необходимо отличать рыночную расценку благ и рыночную аллокацию от благосостояния, в которое входит не только стоимость продуктов, но также безопасность, общественный порядок, достигаемый за счет налогов. Кроме того, следует учитывать следующее:

- несовершенство рыночной аллокации ресурсов, особенно в сфере инфраструктуры материальной и социальной (здоровье, образование);
- воздействие внешних эффектов;
- неблагоприятные последствия монопольного преимущества.

Не нуждается в обосновании утверждение, что благосостояние не отождествляется с размером ВВП в пересчете на душу населения, хотя и зависит от него. Названные выше несовершенства в действии рынка косвенно это подтверждают. Стоит отметить и другие существенные обстоятельства, углубляющие расхождения между объемом продукта и благосостоянием или же качеством жизни.

Во-первых, удовлетворение основных материальных нужд на высоком уровне. У современного массового потребителя потребности такие, какие придумает производитель, а потом возбудит их в потребителе. Такое положение нельзя считать однозначно плохим, раз оно чаще всего повышает комфорт жизни потребителя.

Но возрастает количество злоупотреблений, следующих из доминирования производителя над потребителем. Неравенство это углубляет разницу между объемом продукта на душу населения и благосостоянием, заодно приводя к необоснованно высокому расходованию невозобновляемых ресурсов и нанесению вреда окружающей среде.

Во-вторых, рыночный механизм может вызывать и углублять социальное неравенство, приводить к глубокой стратификации доходов. Эта проблема широко обсуждается уже давно и вызывает многочисленные разногласия. Одни противопоставляют эффективность социальному эгалитаризму, другие убеждают в необходимости широкого понимания эффективности общественной системы, в которой неравенство шансов кумулятивно углубляется неравенством доходов и влечет за собой отрицательные последствия для экономического развития.

Примером неэффективности рынка является безработица, хотя нелиберальные экономисты готовы винить в этом деятельность государства или профсоюзов.

Экономический рост, особенно анемичный, в условиях свободного рынка не обязательно приводит к сокращению безработицы, а как раз наоборот, даже ее увеличивает. И дело тут не только во влиянии технического прогресса на уровень занятости. Усиление безработицы, вызванной бурным ростом производительности труда, отмечено еще Дж. Рифкиным [9]. Речь идет и об упомянутой раньше дезиндустриализации высокоразвитых стран в пользу новых рынков, и о неприспособленности невостребованной, т. е. лишней, рабочей силы в западных странах к труду в наукоемких секторах.

Неизбежно нарастает проблема лишних людей в рыночной экономике. Эти лишние люди не создают валовой продукт. Лица, временно теряющие работу, в значительной их части остаются безработными навсегда. Но если лишние машины сдаются в металлолом, то лишняя рабочая сила должна быть «освоена» и использована вне рыночным способом, если рынок не сумеет включиться в этот процесс.

5. Необходимость восстановления секторной политики

Чтобы получить состояние, близкое к полной занятости, в экономической политике государства надо делать ставку на секторы, создающие рабочие места, даже тогда, когда рыночный эффект отрицательный. Несмотря на то что доходы не покрывают издержки, занятые способствуют росту благосостояния, неизмеримого в рыночных категориях.

Наверное, уже слишком поздно рассчитывать на восстановление промышленной политики и создание рабочих мест путем покровительственной поддержки промышленности. Этого не позволяют высокий уровень интеграции национальной экономики в мировую экономику, членство в ВТО, Евросоюзе и обязательства, следующие из других международных соглашений. В этих обстоятельствах надо использовать некоммерческие секторы, такие как образование, здравоохранение, наука и культура. Важны также поддержка семьи, развитие сектора ухода за маленькими детьми.

Секторная политика является прочным элементом развитых рыночных экономик. Примером может служить сельскохозяйственная политика. Динамичное развитие второго сектора, т. е. промышленности и

строительства, позволило сохранить неэффективное сельское хозяйство. В этом отношении ярким примером служит Япония: в фазе наиболее динамичного развития, сделав ставку на мощный экспортный сектор промышленности, страна сохранила крупные сферы неэффективности в сельском хозяйстве и в услугах.

В настоящее время обострилась ситуация в секторе внутренней торговли в Индии. Правительство планирует допустить на этот рынок сети гипермаркетов, а это угрожает мелкой торговле, обеспечивающей рабочими местами 220 миллионов индусов.

Некоммерческие секторы экономики, которые мы назвали в качестве мест дополнительной занятости для разрядки напряженности на рынке труда, вызванной безработицей, не являются пережитком традиционной экономики. Они могут стать заметным и даже ведущим элементом в экономике. Существует обширная литература, посвященная роли образования, науки, здравоохранения в общественно-экономическом развитии на длительный период. Проблема в том, что нынешние усилия правительств в пользу экономики, связанные с кризисом государственных финансов, идут в совершенно другом направлении. Сокращение бюджетных расходов касается также той части, которая была выделена на здравоохранение, образование, науку и культуру, что способствует росту безработицы.

Правительства, и то не все и лишь в незначительной степени, решаются на повышение налогов, и особенно подоходного налога, чтобы добиться бюджетного равновесия. Изменение нынешней политики не будет простым и быстрым, но «золотую смирительную рубашку» необходимо снять. Золотой смирительной рубашкой

Томас Фридман назвал стратегию правительств, соответствующую вашигтонскому консенсусу, а именно: здоровые деньги, низкие налоги, гибкое трудовое законодательство, частная и свободная торговля в расчете на доверие рынков, которое позволит привлечь капитал, добиться благосклонности инвестиционных фондов и хорошего мнения рейтинговых агентств [2]. Смирительная рубашка ограничивает действия правительств в области экономической политики. Верность этим принципам, хорошая репутация и доверие рынков являются политической рекомендацией для правительств. От этих принципов не откажется также и оппозиция, когда придет к власти, из-за чего проводимая политика соответствует ожиданиям рынков и собственных финансовых элит, но необязательно — о чем мы упоминали выше — целям и стремлениям населения. И у правительств достаточно сильные аргументы (скорее алиби), чтобы продолжать такую политику.

Секторная политика, делающая ставку на развитие некоммерческих услуг, финансируемых из государственного бюджета, причем на средства, полученные от дополнительных налогов, а не методом «дружественного государства», обозначает отказ от защитного наряда. В пользу политики, учитывающей развитие сектора государственных услуг, свидетельствуют, по нашему мнению, важные аргументы.

1. Нет доказательств, что снижение подоходного налога, особенно сокращение налоговой прогрессии, даст рост занятости. Также нет доказательств того, что более высокие подоходные налоги и большая прогрессия приостановят предпринимательство и инновационность. Статистические исследования этих зависимостей в обоих случаях принесли неоднозначные резуль-

таты. Следовательно, сокращение расходов на государственные услуги в случае кризиса государственных финансов не является самым лучшим способом для их оздоровления, потому что оно снизит отечественный спрос и углубит рецессию. Лучшим способом является рост налоговых поступлений, особенно от подоходного налога. Конечно, это не означает, что можно пренебрегать рационализацией расходов на государственные услуги.

2. Затраты на развитие яслей, детских садов, школ, а также помощь работающим матерям и многодетным семьям являются лучшей инвестицией средств пенсионных фондов, чем инвестирование на бирже. Большое число здоровых и хорошо образованных будущих работников является надежной гарантией будущих пенсий.

3. Повышение уровня государственных школ является условием успешного выравнивания шансов молодежи. Школы всех уровней, в том числе вузы, формируют главный фактор будущего развития – человеческий капитал. Увеличение затрат на эту цель надо, конечно, поддерживать продуманной организацией и управлением.

4. Затраты на здравоохранение и уход за пожилыми людьми значительно выросли во всех странах, также в тех, которые в экономической политике руководствуются неolibеральными принципами. К этому принуждает старение населения высокоразвитых стран, а также прогресс, как правило дорогостоящий, в области медицинских технологий. Система здравоохранения и ухода за больными и людьми с ограниченными возможностями открывает широкие перспективы для социально обоснованного роста занятости.

5. Широкой сферой занятости может оказаться также активизация культуры, от-

дыха и спорта. Увеличение и разумное расходование средств на эту цель в длительной перспективе могут принести эффекты, похожие на затраты на образование, науку и здравоохранение, т. е. окажут благоприятное воздействие на формирование человеческого и социального капитала.

Затраты на услуги и пособия из государственных средств способствуют росту благосостояния и улучшению качества жизни населения, не отражаясь в показателе валового продукта, в продолжительной перспективе способствуют его росту. К сожалению, эти эффекты в узко понимаемом экономическом смысле появятся в будущем, а затраты надо нести уже сейчас. Но эти затраты необходимы как для улучшения благосостояния, так и для смягчения социальной напряженности и конфликтов, которые вызываются сохраняющейся высокой безработицей, особенно среди молодежи, и опасным ростом социального неравенства. По этим же причинам необходимо сокращение различий в доходах путем прогрессивного налогообложения. Средства, вырученные от повышения налогов, должны пойти на финансирование увеличения социальных расходов.

6. Шансы секторной политики и трилемма Дэни Родрика

Постулат финансирования программ увеличения занятости государственным сектором экономики еще недавно был объектом насмешек экономистов основного направления и следующих их мнению политиков, а также СМИ, формирующих общественное мнение. Обвинение в провозглашении социализма было не самым обидным.

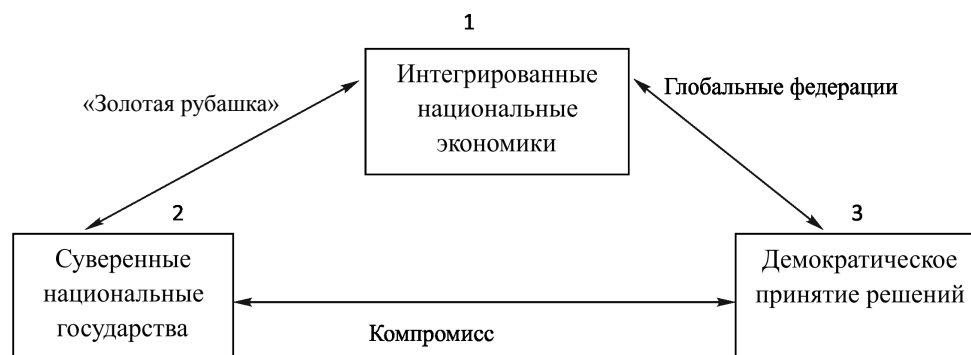
Положение изменилось после начала нынешнего кризиса. До общественного

сознания дошла информация о диапазоне доходов и росте этих различий за весь период неолиберальной фазы развития капитализма, начиная с середины семидесятых годов прошлого столетия. Рост этих различий не приостановился и в период кризиса. Общество во всё большей мере отдает себе отчет в последствиях симбиоза политических и финансовых элит, роли лоббистов в изменениях законодательства и т. п. Связи политики и бизнеса способствуют защите высоких доходов от перераспределения во имя поддержки экономического роста, что противоречит действительности.

Осознание такого положения является необходимым, но недостаточным услови-

ем для его изменения. Самая сложная проблема предполагаемых изменений следует из масштабов международной экономической интеграции и из финансирования мировой экономики, а также из наличия «золотой смирительной рубашки».

В условиях свободы перелива капиталов повышение прогрессивного подоходного налога может привести к бегству налогоплательщиков с самыми высокими доходами. И опасность не только в бегстве налогоплательщиков или в перенесении монополистами потерь от повышения налогов на клиентов. Этот вопрос шире представляет трилемма Дэни Родрика, которую мы представляем с немного измененным описанием (см. рисунок).

Трилемма Дэни Родрика

Источник: разработано на основании [11, с. 265]

В трилемме открытой экономики Обстфельда и Тэйлора существует так называемая «невозможная троица»: 1) международная мобильность капитала; 2) жесткий валютный курс, регулируемый государством; 3) автономная денежная политика правительства. Возможным является сосуществование только двух из трех обстоятельств. Если мы имеем дело с международной мобильностью капитала, в которой участвует страна (1), то она может обладать лишь од-

ной из двух свобод: свободой формирования валютного курса (2) или свободой денежной политики (3). Если мы хотим свободно устанавливать курсы валют и свободно проводить монетарную политику, мы должны запретить свободный перелив капиталов.

Похожее положение в трилемме Родрика. Если мы принадлежим к интегрированной мировой экономике (1) и у нас суверенное национальное государство (2),

нельзя ожидать, что решения в экономике будут приниматься в результате демократических процедур (3). Решения будут приниматься под диктовку «мировой федерации», которую создают международные институты (например, Международный валютный фонд или Всемирный банк) и рынки капитала.

В свете этой трилеммы свобода уклонения от налога, увеличенного «алчным правительством», не единственное и даже не самое главное препятствие для повышения налогов на самых богатых. Куда важнее мнение финансовых рынков о правительстве, принимающем такое решение. Правительства могут быть и наказаны за «плохое поведение» по отношению к финансовым элитам, за расточительство и недостаточную экономию. Ощутимым наказанием является отказ инвестиционных фондов от финансирования государственного долга, что влечет за собой вынужденную отставку правительств, причем это касается и государств, не чрезмерно обремененных долгами. Такая зависимость суверенных национальных государств от поведения финансовых рынков способствует дальнейшей дифференциации доходов и росту финансирования экономики, влияет на углубление неравенства в доходах внутри государств.

Тем не менее интерпретация трилеммы Родрика все-таки позволяет увидеть шансы на изменение. «Золотая смирительная рубашка» со временем будет становиться тесной, а решения международных рынков не будут восприниматься правящими элитами с таким смирением, как сейчас.

Когда Дэни Родрик писал об ограничении доступа к политическим решениям на национальном уровне, он ссылался на аналогию с периодом золотого стандар-

та. «В кульминационный период золотого стандарта ограничения национальной политики (и характерной для нее опоры на элиты) гарантировали, что внутренняя монетарная политика могла быть полностью подчинена нуждам сохранения паритета золота. В межвоенный период, когда выборные права распространились на всех и рабочие стали организовываться, национальные правительства признали, что не смогут дольше сохранять экономическую ортодоксию золотого стандарта. Когда необходимость полной занятости столкнулась с нуждами золотого стандарта, тот уступил» [11, с. 268].

Приведенный выше пример является грозным предупреждением и для глобализированной экономики. Мы знаем, что случилось после отмены золотого стандарта. Частичный распад Бреттон-Вудской системы не был слишком опасным благодаря «благодетельной гегемонии» США и американского доллара [5]. Новый порядок опирался уже не на золото, а на доверие к Америке и ее валюте. Также и в этом случае можно надеяться, что освобождение от уз трилеммы будет не следствием роста забастовочного движения или протестов возмущенных, а результатом «бунта» правительственных элит, что позволит достичь разумного компромисса для смягчения диктата рынков.

Если прогрессивная налоговая система укрепит государственные финансы и одновременно приведет к сокращению разницы в доходах, смогут выявиться преимущества косвенных налогов. Благодаря налогам на потребление возможно повышение уровня жизни обществ при сокращении спроса на невозобновляемые природные ресурсы и при ограничении деградации окружающей среды. В настоящее же время повышение

НДС и других косвенных налогов является демонстрацией действия «золотой смирительной рубашки», а проще говоря, проявлением оппортунизма правящих. Такой налог легче ввести по политическим соображениям, однако сокращение реальных доходов и потребительского спроса малообеспеченной части населения сдерживает оживление экономики и способствует углублению имущественной дифференциации.

Наиболее противоречивым вопросом является роль национального государства. Представленные выше рассуждения указывают на необходимость увеличения роли государства в экономике. Мы осознаем, что всеильное бюрократизированное государство так же неприемлемо, как и неограниченно свободный рынок. Пока никто не кодифицировал правила для государства золотой середины. Фрэнсис Фукуяма, обычно смело высказывающийся о настоящем и будущем [12], замечает, что необходимо заново придумать государство, но он сам не в состоянии представить себе его.

До нынешнего кризиса слишком много власти было оставлено в руках рынка. Сейчас заметно, что процесс отступления государства и растущего доминирования рынка следует развернуть, но за возвращением государства надо внимательно следить. Это задача для общественного мнения и в том числе (а может быть, прежде всего) для наук об экономике и управлении.

Литература

1. *Новак А.З., Рыць К.* Европа нуждается в либеральном Кейнсе // *Философия хозяйства*. – 2014. – № 5. – С. 69–77.
2. *Новак А.З., Рыць К.* Золотый или евро? // *Философия хозяйства*. – 2014. – № 3. – С. 127–132.
3. *Новак А.З., Рыць К.* Польша: евро будет позже – издержки или выгоды? // *Проблемы национальной стратегии*. – 2010. – № 4 (5). – С. 134–146.
4. *Buras P.* Ulica zmieni świat. Wywiad z Wolfgangiem Streeckiem // *Gazeta Wyborcza*. – 2012. – 5–6 maja.
5. *Helleiner E.* Ewolucja międzynarodowego systemu walutowego i finansowego // *Globalna ekonomia polityczna*. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2011. – P. 257–290.
6. *Heller J., Kotliński K.* Trwała destabilizacja finansów publicznych a stopa bezrobocia w wybranych krajach Unii Europejskiej // *Studia Europejskie*. – 2012. – N 4. – P. 95–106.
7. *Mankiw N.G., Taylor M.P.* *Mikroekonomia*. – Warszawa: Polskie Wydawnictwo Ekonomiczne, 2009. – 648 p.
8. *Ratajczak M.* Finansyzacja gospodarki // *Ekonomista*. – 2012. – N 3. – P. 281–302.
9. *Rifkin J.* *Koniec pracy: schyłek siły roboczej na świecie i początek ery postrynkowej*. – Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie, 2003. – 367 p.
10. *Rodrik D.* *Jedna ekonomia, wiele recept*. – Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej, 2011. – 349 p.
11. *Rodrik D.* *The globalization paradox: democracy and the future of the world economy*. – New York; London: Norton & Company, 2011. – 346 p.
12. *Stasiński M.* Państwo sztywne jak fabryka Forda (wywiad z Francisem Fukuyamą) // *Gazeta Wyborcza*. – 2012. – 2–3 czerwca.

ECONOMIC POLICY AFTER THE CRISIS

A. Nowak,
K. Ryć,
University of Warsaw,
Warsaw, Poland
anowak@wz.uw.edu.pl
kryc@wz.uw.edu.pl

At the moment, we can observe that the systemic economic crisis is still far from its ending. In place of Keynesianism the neo-liberal doctrine came and has become a standard policy in the UK called Thatcherism and Reaganomics in the United States. The policy was based on the free operation of the market mechanism, deregulation, the limited role of state, low taxes and liberalized labour market. However, do these fundamental megatrends in the global economy should not be reviewed in the aftermath of financial crises and world economy financialization? This article takes a significant development dilemma. The authors believe that the omnipotent bureaucratic state is just as unacceptable as a completely free market. But the state, in particular periods of crises must develop an industrial policy and sectoral policy, in order to prevent such negative phenomena as unemployment or social exclusion. In the discussions of the last time a lot of attention is paid to the social consequences of the ongoing economic crisis. This article will address the social aspects of economic policy, and in particular the social consequences of the neoliberal model of the policy, especially in the field of employment and distribution of national income will be discussed.

Keywords: crisis, financialization of the economy, the invisible hand of the market, the role of the State, sectoral policy, Dani Rodrik's trilemma.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-4.1-94-108

References

1. Nowak A.Z., Ryć K. Evropa nuzhdaetsya v liberal'nom Keinse [Europe needs liberal Keynes]. *Filosofiya khoz'yaistva – Philosophy of Economy*, 2014, no. 5, pp. 69–77. (In Russian)
2. Nowak A.Z., Ryć K. Zlotyi ili evro? [Zloty or euro?]. *Filosofiya khoz'yaistva – Philosophy of Economy*, 2014, no. 3, pp. 127–132. (In Russian)
3. Nowak A.Z., Ryć K. Pol'sha: evro budet pozzhe – izderzhki ili vygody? [Poland: Euro will be later – costs or benefits?]. *Problemy natsional'noi strategii – National Strategy Issues*, 2010, no. 4 (5), pp. 134–146. (In Russian)
4. Buras P. Ulica zmieni świat. Wywiad z Wolfgangiem Streeckiem [Street will change the world. Interview with Wolfgang Streeck]. *Gazeta Wyborcza*, 2012, 5–6 May.
5. Helleiner E. Ewolucja międzynarodowego systemu walutowego i finansowego [The evolution of the international monetary and financial system]. *Globalna ekonomia polityczna [The global political economy]*. Kraków, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2011, pp. 257–290.
6. Heller J., Kotliński K. Trwała destabilizacja finansów publicznych a stopa bezrobocia w wybranych krajach Unii Europejskiej [Durable destabilization of public finances and the unemployment rate in selected countries of the European Union]. *Studia Europejskie – European studies*, 2012, no. 4, pp. 95–106.
7. Mankiw N.G., Taylor M.P. *Mikroekonomia [Microeconomics]*. Warszawa, Polskie Wydawnictwo Ekonomiczne, 2009. 648 p.

8. Ratajczak M. Finansyzacja gospodarki [Financialization of economy]. *Ekonomista – Economist*, 2012, no. 3, pp. 281–302.

9. Rifkin J. *Koniec pracy: schyłek siły roboczej na świecie i początek ery postrynkowej* [The end of work: the decline of the global labor force and the dawn of the post-market era]. Wrocław, Wydawnictwo Dolnośląskie, 2003. 367 p.

10. Rodrik D. *Jedna ekonomia, wiele recept* [One economics, many recipes]. Warsaw, Wydawnictwo Krytyki Politycznej, 2011. 349 p.

11. Rodrik D. *The globalization paradox: democracy and the future of the world economy*. New York, London, Norton & Company, 2011. 346 p.

12. Stasiński M. Państwo sztywne jak fabryka Forda (wywiad z Francisem Fukuyama) [The state is stiff like a Ford factory (Interview with Francis Fukuyama)]. *Gazeta Wyborcza*, 2012, 2–3 June.